

Л. М. Макушин

ЦЕЛЬ, СРЕДСТВО И РЕЗУЛЬТАТ В МЕХАНИЗМЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПЕЧАТИ

При постановке вопроса о механизме развития печатной прессы возникают проблемы, обусловленные множеством интерпретаций данного процесса. Чтобы соединить в одной модели наиболее существенные представления об эволюции периодики, мы предложили воспользоваться идеей системного конфигуратора. Суть ее заключается в обоснованном отборе некоторых принципиально важных концепций и их соотносительном анализе в свете системной методологии. Операционально эффективный конфигуратор видится нам в образе «триангуляционной композиции». Она отражает, применительно к журналистике, три взаимодополняющие теоретические конструкции: эволюционистику, хронотопологию и целеполагание. На такой базе можно выделить круг понятий, достаточный для объемной экспликации механизма динамики системы печати. В статьях, опубликованных в «Известиях УрГУ»¹, мы остановились на ключевых положениях эволюционистики и топологии прессы, опираясь преимущественно на отечественный исторический материал XVIII–XIX веков.

Особая грань нашего конфигуратора предназначена для проекции на ней связей и отношений целеположенных действий, направленных на развитие системы печати. Целеполагание есть опережающее отражение субъектом будущего и желаемого состояния предмета стремления. А собственно целеполагающая деятельность проявляет себя в виде реального, практического опосредования мысли и действия. В этом плане рассмотрим сначала только прямой носитель развития — периодическое издание. В его жизни обнаруживается примечательная двухэтапность. Во-первых, само по себе основание любой газеты или журнала есть *цель*, предмет стремления. Во-вторых, тот же предмет стремления в виде *результата* завершенной деятельности обязательно выступает в роли *средства* каких-то иных целей. Создавая печатный орган, социальный субъект одновременно видит свое творение как самостоятельную цель и ее результат — «что» и «это» и как средство других целей — «для чего» и «для этого». Названное полагание синкретично. Однако на первом месте всегда оказывается позиция «для чего», заслоняющая собой позицию «что».

Праксеологическая структура субъектного действия описывает получение конечного продукта любой природы по линейной схеме «цель — средство — результат». Но здесь мы сталкиваемся с проблемой соотношения средства и развития. Дело в том, что результат цели основания издания, в принципе и не побыв «просто» газетой или журналом, тотчас становится *средством* других целей, пре-

МАКУШИН Леонид Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры периодической печати факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

© Л. М. Макушин, 2006

следуемых хозяином-учредителем. Он «берет», к примеру, свою газету в качестве средства и, по Гегелю, ставит себе на службу, «заставляет последнее надрываться во внешней работе, обрекает его на изнашивание»². Иными словами, издание-средство *функционирует* и «изнашивается» (другие переводчики Гегеля употребляют слово «истощается»). «Изнашивание» можно понимать и в том смысле, в котором А. И. Герцен говорит, что «журнал исчезает в мозгу читателя»³, и в духе сакраментального «газета живет один день». В любом случае это *не развитие*, и для описания изменений качеств печатного органа нужна другая структура целереализации. Тут плодотворной для нас оказывается концепция Н. Н. Трубникова.

Н. Н. Трубников предлагает исходить из того простого эмпирического факта, что процесс реализации цели никогда не является одним только процессом создания желаемых материальных или духовных благ как таковых, хотя именно они и выступают предметом непосредственных целей. В ходе создания некоторого предмета, в том числе газеты или журнала, социальный субъект «на деле создает не только этот предмет, но всегда и нечто дальнейшее, непредвиденное и, как правило, более значительное»⁴. То непредвиденное не входит явно в намерения человека, оно скрыто содержится в самой его деятельности и не может не проявиться в ее результатах. Для выявления смысла означенного феномена Н. Н. Трубников вместо линейной схемы «цель — средство — результат» выстраивает более сложную, внутренне дихотомическую конструкцию. Вводятся три пары соотносимых понятий: 1) абстрактная цель-идеал и конкретная цель деятельности; 2) средство-понятие и реальное средство; 3) выполненная цель и полный результат.

Абстрактная цель-идеал — выражение мыслимого блага, которого можно желать, но не реализовать. Когда мы говорим об отдельном печатном органе, такая цель-идеал — это представление предмета желания, периодического издания вне его конкретного содержания. Данную цель может иметь в принципе любой социальный субъект, если он активно участвует в жизни общества, являющего собой «общество-диалог». Находясь в состоянии диалога или ожидая полноценного диалога, человек наряду и вместе с политическими, этическими и другими абстрактными ценностями способен сформировать в своем сознании и идеальный облик газеты или журнала как мыслимого информационно-коммуникационного блага. Постепенно об этом складываются и групповые воображения.

Далеко не всякое стремление, пожелание человека получает целевую определенность. Субъективные мечтания о печатной периодике теоретически могли быть и у боярина царя Алексея Михайловича А. Л. Ордин-Нащокина, основателя российской почты, и у фаворита правительницы Софьи просвещенного князя В. В. Голицина, автора реформаторских идей, намного опередивших свое время. Но первую отечественную газету учредил Петр I, а не В. В. Голицин. За «Ведомостями» выстраивается нескончаемая череда изданий, и каждое их них — чья-то цель. Нам важно за частными фактами видеть типичный, всегда обязательный переход от неясного стремления к конкретной цели, имеющей в финале осуществленное желание — печатный орган. Этот переход базируется на понимании необходимости практического действия, работы.

Конкретная цель основания газеты, журнала по содержанию богаче отвлеченного идеала. В отличие от цели-стремления она включает в себе осознание потребности в данном издании, оценку и своеобразное отрицание информационной действительности, в которой его еще нет, и созидательную задачу преобразования этой действительности, в которой данное издание должно появиться. Конкретной цели имманентен свой конкретный предмет. Он не обязательно дан в готовом виде. Но его составные части — у нас это различные компоненты издания — уже есть, они имеют конкретно-исторические характеристики и являются элементами реального бытия.

Путь от идеала и желания к конкретным задачам основания периодического издания — это движение мышления, но еще не практическое действие. В логическом процессе самостоятельная «работа» цели исчерпывается, однако не завершается сам логический процесс. Для выполнения цели необходимо ее соединение со средством, с теми материальными и духовными силами, которые переводят предмет цели, печатный орган, из идеального субъективного долженствования в реальный результат.

Важная новация концепции Н. Н. Трубникова — выделение того обстоятельства, что средство в акте целеполагающей деятельности тоже обнаруживает двойственный характер. Во-первых, по отношению к цели как к идеальному образу будущего издания оно ведет себя как понятие, как идеальный образ причины результата. В нашем случае *средство-понятие* есть знание о том, что и как может и должно послужить созданию газеты или журнала. Момент связи конкретной цели и средства-понятия — это состоявшееся целеполагание, финал логической стадии и начало стадии практики.

Во-вторых, в акте практического «сотворения» печатного органа и по отношению к нему как к реальному предмету средство ведет себя как *реальное средство* и действительная причина, т. е. в процессе достижения цели средство участвует уже не в форме понятия, а в качестве относительно соответствующих ему конкретных вещей, инструментов, приспособлений, целесообразных действий человека. У нас речь идет о ранее созданных, имеющихся в наличии средствах производства и распространения информации. Г. В. Лазутина обозначает их довольно широкий круг: от материалов и техники тиражирования до «человеческих существенных сил, а также... методов и правил... направляющих операции производства различных родов и видов информационных продуктов»⁵. Заинтересованный субъект целенаправленно осуществляет «сборку» этого неодушевленного и одушевленного «инструментария».

Важнейшим моментом рождения печатного органа становятся действия, связанные с получением одобрения или разрешения власти на само существование издания, своего рода «прописки» в полях социального пространства. По мере формирования правил «узаконения» изданий, принятия цензурных уставов 1804, 1826, 1828 годов процедура разрешения издания все более становится одной из форм регулируемого властью *отбора* в сфере прессы.

Все это еще раз подтверждает, что далеко не каждый агент социального поля способен взять на себя создание печатного органа. Для решения всех проблем,

сопряженных с этой задачей, необходимо не только желание, но и *возможность* произвести «сборку» всех компонентов производства и распространения информации, преодолеть барьеры официального отбора. Имеется в виду обладание субъектом тем самым «капиталом», который измеряется финансовыми, административными, организационными ресурсами, влиянием и связями, авторитетом и т. д. Кстати, заметим, что поскольку индивидуального «капитала» часто бывает недостаточно, то в сфере прессы неизбежно появляются различные формы кооперации, помогающие осуществлению цели.

Исходя из различения цели-идеала и конкретной цели, средства-понятия и реального средства, результат также может быть рассмотрен в двух неодинаковых по содержанию областях: «область совпадения» цели и результата и «область несовпадения» их. Успешное решение социальным субъектом задач по созданию печатного органа дает ему *выполненную цель* — газету или журнал. Однако подлинным итогом оказывается не только то, что мыслилось человеком в субъективной форме, но то, что реально определено его деятельностью с помощью применяемых средств. В процессе работы «механизма сборки» возникает «эффект сборки»: вместе с «просто» газетой или журналом появляется новое образование, обладающее новыми свойствами, которое и есть объективный, *полный результат*. Данный «предмет», обычно называемый редакцией периодического издания, представляет собой автономную творческую и одновременно легитимную производственную единицу. Важнейшее ее свойство — организационно, профессионально и идейно объединять прямых «делателей» газетного листа и журнальной страницы. В отличие от этих листов и страниц редакция не «обречена на изнашивание», не «исчезает в мозгу читателя». Именно в ее жизнедеятельности мы находим ответ на вопрос о развитии печатного органа.

«В качестве средства, — отмечает Н. Н. Трубников, — фигурируют всякий раз не сами по себе предметы, вещи, инструменты, орудия, действия и т. д., взятые объективно, но лишь в качестве предметов, способных служить той или другой цели»⁶. Редакция, определяемая как средство, выступает в данной роли не всем своим содержанием, а только его частью, наиболее отвечающей задачам хозяина-учредителя.

В анализируемой ситуации эта часть — способность редакции выдавать готовый к употреблению информационный продукт, а также и сам продукт — газета или журнал. Но остается еще часть «содержания» редакции, существующая помимо отношений к внешней цели. Имеется в виду профессионально-творческая редакционная жизнь со всеми ее внутренними и внешними связями, в пространстве которой, мы полагаем, и происходит *развитие* печатного органа. Когда эта двойственность, проистекающая из различия выполненной цели и полного результата, не выясняется, редакция и издание предстают перед нами как некая «безразличная предметность», которая только и делает, что служит внешней цели.

Основание газеты или журнала — стартовое звено эволюционной цепочки. Осуществление этой цели уже значительно изменяет информационную действительность. Изменяет не только самим фактом выхода нового издания, но и други-

ми последствиями, которые, строго говоря, первоначально не предусматривались. Создавая печатный орган, социальный субъект, независимо от намерений, создает и новые двигательные силы его развития. Те «человеческие сущностные силы», о которых говорит Г. В. Лазутина, принципиально влияют на содержание полного результата и всей дальнейшей практики в сфере прессы. В той или иной мере разделяя установки хозяина-учредителя, сотрудники редакции имеют собственные цели и собственное понимание того, «для чего» и «ради чего» существует издание.

Новые действующие лица — редакторы, авторы, художники образуют ядро вышеназванного полного результата. Он отличен от того, что предполагалось в приватной цели человека, и обладает своей собственной жизнью. На это особое внимание обращают и Гегель, и Энгельс, и другие исследователи феномена целе-реализации. Ф. Энгельс, в частности, указывает на неполноту представлений об общественных последствиях человеческих действий, если «принимается в расчет главным образом только первый, наиболее очевидный результат... Более отдаленные последствия тех действий, которые направлены на достижение этого результата, оказываются совершенно иными...»⁷. Данный вывод применим и к периодике.

Жизнь редакции подчиняется закономерностям и правилам текстопорождающих практик, журналистского творчества, тенденциям оформительско-издательского дела, прямым и обратным связям с аудиторией и т. д. В этом «многосложном организме» (К. Маркс) переплетаются отношения профессионального, делового, общественного и эмоционального характера.

Между изданием как выполненной целью и редакцией как полным результатом складываются отношения, вплотную подводящие нас к рассмотрению собственно развития печатного органа. Здесь значимую роль играет его *периодичность*. Каждый номер — это все то же издание и одновременно нечто другое. Каждый номер похож и не похож на предыдущий и последующий. Количественные и качественные изменения, которые постоянно происходят и закрепляются в топологических и аудиторных параметрах, в более подвижном содержании и в более устойчивых внутренней и внешней формах печатного органа — это и есть его индивидуальное развитие, движимое работой редакционного коллектива.

Редакцию можно сравнить с одушевленным генератором: на основе интеграции разнообразных профессиональных действий здесь совершается ритмизированное превращение исходного информационного «сырья» в овеществленную информацию, в газету или журнал. Хозяин-учредитель снова и снова «берет» один за другим тираж очередного номера издания и использует его как функционирующее средство своих целей. В момент использования жизнь конкретного номера в принципе завершается. Однако редакция не только обеспечивает связную череду этих моментов, но к каждому из них подготавливает «на потребление» новый информационный продукт, в чем-то неизбежно отличающийся от предшествующего. Так схематично, в «чистом» виде изображается, на наш взгляд, разделение функционирования и развития печатного органа.

Разумеется, любая схема лишь помогает наметить направление исследования куда более сложных реалий. А реальность такова, что автономность редакции не абсолютна. Полагая будущее издания не только как «что», но преимущественно как «для чего», учредитель тем самым уже включает частную цель основания газеты или журнала в состав более общих целей. Если редакция в своей человеческой определенности безразлична к внешним целям, то в не меньшей мере безразлична к средству полагатель этих целей. От него исходят руководящие решения, команды и пожелания в адрес редакции, в том числе относительно атрибутивных и реляционных параметров печатного органа. Редакция есть одновременно и относительно самостоятельный субъект, и в известной степени подконтрольный объект, действующий в рамках задаваемых условий. Последние в соответствии с перспективными целями хозяина-учредителя касаются прежде всего позиций издания, круга его тем, проблем и т. д. Так что в этом плане развитие органа печати является и управляемым извне развитием. Выяснением этой обусловленности эволюции газеты, журнала рассматриваемый вопрос не исчерпывается. Следует учитывать еще и конкретно-исторические обстоятельства отечественной практики в сфере периодики.

Со второй половины XVIII века начинается разделение прессы на официальную и частную. Государство занимает особое положение среди социальных субъектов, осуществляющих цель основания печатных органов. Разумеется, само оно, являющееся политической властеутверждающей организацией общества, не создает какую-то газету, журнал. Учредителями выступают конкретные ведомства. Когда появляется официальное издание, то вся последовательность и итог действий в общем не отличаются от порядка, о котором сказано выше. Разве что процедура разрешения издания здесь проще, да и возможностей у правительственного субъекта больше.

Однако государство не ограничивается учреждением официальной периодики и влиянием на ее развитие. Генеральная функция государства — реализация общих дел, обеспечение целостности и сохранности общественного организма. А идеологическая функция проявляется, в частности, в целенаправленном информационном воздействии на население, в том числе и с помощью прессы. Содержание, отбор и оценка, способы подачи информации участвуют в создании идеологического пространства, в котором действует государственная власть. Поэтому в отношении *всей прессы* формируется и проводится государственная медиаполитика. Это феномен системного значения, что требует от нас обратиться к проблемам целеполагания и целедостижения в масштабе всей системы печати.

Подобно тому как свойство системы не сводится к сумме свойств элементов, цель развития системы печати не тождественна сумме целей основания и совершенствования отдельных изданий. Однако в рамках системного подхода мы опираемся на принцип изоморфизма структур целереализации, и поэтому знания о целевой деятельности в отношении единичного печатного органа необходимы для исследования целей, средств и результатов в масштабе системы периодики. Здесь еще большее значение приобретает взаимодополняемость исторического и логи-

ческого взглядов на проблему, поскольку конкретная цель развития системы формируется гораздо позже, чем появляются первые отечественные газеты и журналы.

Период первичного количественного роста российской печати оказывается довольно длительным. С 1702 по 1768 год учреждается всего 15 изданий, до 1759 года сохраняется абсолютная монополия верховной власти на печатное слово. Вплоть до конца 1760-х годов не виден полагатель таких конкретных целей, которые по уровню поднимались бы выше, чем цель основания единичного журнала или газеты.

Примечателен в этой связи и факт отказа правительства от прямого учредительства печатных органов. С 1728 года, после прекращения петровских «Ведомостей», периодика препоручается Академии наук и университетам. Правда, официальность прессы вполне сохраняется: ведь наука и высшее образование в Российской империи с XVIII века формируются как государственный институт. Тем не менее нельзя не обратить внимание на то, что собственно правительственная печать возрождается только в начале XIX века, в русле административных реформ Александра I.

Мы рассматриваем систему печати как инфраструктурное образование, служащее связям внутри социальных полей и особенно между полями. Общество же не являет собой замкнутую, неразделимую целостность, а выступает в виде разному организованных общностей. Не только общности, но и их составные части никогда не следуют одной и той же стратегии создания и оптимизации любых социальных систем, в том числе и системы периодики. Отмечая это обстоятельство, Г. Штилер справедливо указывает, что «цели системы — это зачастую конкурирующие и конфликтующие между собой ориентиры для деятельности социальных сил»⁸. На раннем этапе существования прессы названные конкурентность и конфликтность еще не проявляются по причине малочисленности самих изданий и отсутствия явных противоречий в отношениях между социальными субъектами — учредителями печатных органов.

Первые приметы системного целеполагания обнаруживаются нами в 1769–1796 годах царствования Екатерины II. В просвещенных кругах начинают складываться идеальные цели по поводу не отдельного издания, а всей периодики, формируются представления, т. е. средства-понятия об условиях, стимулах и ограничениях движения печатного слова в обществе. В произведениях Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина, А. И. Радищева, И. А. Крылова и других литераторов, самой Екатерины II с разных позиций оцениваются задачи и возможности прессы.

В последней четверти XVIII века, подытоживает А. И. Станько, «процесс кристаллизации теоретической мысли в области журналистики обусловливается политико-экономическими, философско-эстетическими потребностями эпохи, но в силу различия общественно-политических условий, уровней развития периодики, личностей ее истолкователей, их мировоззрения определяющую роль сыграли либо эстетические интересы, как у Карамзина, либо нравственно-эстетические и политические, как у Новикова, либо политические, философские и эстетические,

как у Радищева. Представления о периодической печати имели своей политической основой или сохранение и совершенствование существующих порядков, или критическое отношение к социальному злу, или, наконец, призыв к немедленному выступлению народа с целью уничтожения этого зла»⁹.

Следует выделить роль Екатерины II, предпринимающей безуспешные попытки по превращению цели-идеала в конкретную цель деятельности на поприще создания системы периодики. В первом листе (номере) основанной и редактируемой ею «Всякой всячины» (1769) не в законодательном порядке, но вполне понятно для заинтересованных лиц звучат высочайшее разрешение и призыв издавать другие подобные журналы: «... Я вижу будущее. Я вижу бесконечное племя *Всякия всячины*. Я вижу, что за нею последуют законные и незаконные дети: будут и уроды ее место со временем заступать». Пока еще либерально настроенная императрица согласна даже на «уродов», надо думать, на оппозиционные журналы. Лишь бы росла пресса.

Екатерину II вдохновляет пример не только Петра I, основавшего «Ведомости», но и Фридриха II Прусского. Этот политик и писатель благодаря умелому использованию прессы и цензуры первым создал в Германии настоящую пропагандистскую машину. Императрица ведет переписку не только с французскими вольнодумцами, но и, что менее известно, со шведским королем Густавом III, подписавшим в 1776 году знаменитый Акт о свободе печати. «И может быть, — предполагает В. Н. Монахов, — читая письма шведского короля Густава III, Екатерина II и познакомилась с идеями и практикой шведской гласности и открытости общественной и государственной жизни!? И может быть, именно эти идеи и практика вдохновили российскую императрицу на предпринятые ею законодательные новации, расширяющие право россиян знать!»¹⁰. Речь идет прежде всего об Указе 15 января 1783 года о дозволении вольных типографий.

«Система считается возникшей тогда, — пишет А. Н. Аверьянов, — когда между элементарными носителями новой формы движения образуется взаимосвязь»¹¹. В отношении плеяды сатирических изданий цель Екатерины II реализуется вполне. Они, по словам Н. А. Добролюбова, «были живы, блестящи, эффектны, интересны, даже дерзки»¹². Пятнадцать частных сатирических журналов в 1769–1774 годах сами по себе составляют этап в развитии русской прессы, особо выделяемый в истории журналистики. Но главное, пожалуй, в том, что они подают пример, прокладывая дорогу системе периодики. Из всех 119 отечественных газет и журналов XVIII века 85 основаны именно в 1769–1796 годах. В их числе первые сельскохозяйственные, политические, духовные, юридические, медицинские, театральные, музыкальные, детские, провинциальные и т. д. издания.

Развернувшаяся по почину Екатерины II полемика между сатирическими журналами о пороках и добродетелях, полемика, имеющая политический подтекст, становится первой не генетической, а *функциональной формой связи* в периодике. Но данная связь еще неустойчивая. Жизнь, конфликтная журналистская практика подсказывают необходимость *связей управления*. На действия в этом направлении Екатерину II подталкивает и беспрецедентная по размаху издательско-редакцион-

ная деятельность выдающегося просветителя Н. И. Новикова. С 1769 года до ареста и заключения в крепость в 1792 года Новиков основывает или редактирует 17 печатных органов! Это первый в России пример целенаправленного создания группы частных журналов, охватывающих большую и разнообразную аудиторию.

Екатерина II пытается усовершенствовать надзор за печатью. До 1796 года в ряде указов разъясняются цензурные обязанности Св. Синода, Академии и университетов, управ благочиния (полиции), местных училищ, градоначальников. И все же «по прежнему сохранялась в государстве довольно громоздкая и нецентрализованная структура цензурного аппарата»¹³. Разгром типографского дела Н. И. Новикова, ссылка в Сибирь А. Н. Радищева, наконец, запрещение вольных типографий — во всем этом надо видеть не только реакцию правительства на обострившиеся внутренние и внешние проблемы: восстание Пугачева, распространение масонства, революция во Франции и т. д. С позиций целеполагания системы печати мы усматриваем здесь неопределенность, расплывчатость представлений об ее управляющей подсистеме и соответственно обращение к карательным средствам, присущим старому информационному порядку.

Буквально в последние недели правления Екатерина II указами от 16 сентября и 22 октября 1796 года учреждает институт официальной цензуры. Она имеет смешанный характер, т. е. соединяет древнюю духовную цензуру со светской. Павел I в 1799 году разделяет цензуру на духовную и светскую, иными словами, начинает далеко идущую дифференциацию аппарата надзора.

Таким образом, до самого конца XVIII века система прессы, находящаяся в фазе появления, испытывает на себе разнообразные влияния складывающегося осознания социальными субъектами как значимости периодики, так и необходимости решения вопроса о методах и средствах управления ею. Окончательная целеустановленность в этом круге проблем достигается, на наш взгляд, при Александре I.

В 1802 году светская цензура переходит под начало только что созданного Министерства народного просвещения. Негласный комитет, состоящий из либерально настроенных друзей императора, готовит ряд прогрессивных по тому времени реформ, многим из которых по разным причинам суждено было остаться в проектах. Однако замысел о преобразовании цензуры осуществляется и находит воплощение в первом цензурном Уставе, высочайше утвержденном 9 июня 1804 года.

В 1804 году в целом завершается период появления отечественной системы печати. Хотя на тот момент в России издается лишь около 30 журналов и газет, но основные компоненты родившейся системы, ее управляемой и управляющей подсистем уже налицо. Независимо от характера учредительства, тематической, аудиторной ориентации и т. д. печатные органы и их редакции обретают взаимосвязь, поскольку все они без исключения находятся в поле действия Устава. Новое, интегративное качество прессы как социальной системы в том и заключается, что каждый ее элемент в установленных пределах выполняет свои информационные задачи, а система в целом усилиями государства превращается в управляемую часть информационной инфраструктуры общества.

Цель развития системы печати не так-то просто выявляется из разнонаправленного и порой противоречивого потока действий в сфере периодики. Поэтому есть смысл еще раз воспользоваться структурной схемой Н. Н. Трубникова.

Об абстрактной цели-идеале нашей системы мы уже говорили как о явлении общественной мысли России. Оно возникает в виде рефлексии отдельных просвещенных личностей и групп, так или иначе причастных к зарождению прессы. Это ученые, литераторы, государственные и церковные деятели, представители предпринимательских кругов. Различие их позиций имеет следствием формирование широкого спектра далеко не совпадающих представлений о путях и способах достижения желаемого идеала. Средства-понятия охватывают широкий круг предметов духовной и материальной деятельности: свобода слова и гласность, критика и цензура, казенная и вольная типографии, образ читателя и т. д. Форма взаимоотношений целеполаганий — это дискуссия, полемика.

Картина проясняется при переходе к конкретной цели деятельности в данном направлении, к осознанию необходимости практического действия и обнаружению наличия или отсутствия реальных средств целедостижения. Здесь происходит объективный социальный отбор, обусловленный конкретно-историческими обстоятельствами. Оказывается, что одни субъекты способны, самое большее, на теоретико-логическое полагание системы прессы. Другие располагают средствами для основания одного или нескольких печатных органов. В своеобразном конкурсе побеждает тот социальный субъект, который обладает или может создать средства для «сборки» системы периодики. Этот субъект — верховная власть, или государство, выступающее в данном случае в роли представителя всего общества и полагающее своим правом и обязанностью обустроить всю социальную информационную инфраструктуру, включая и ее газетно-журнальную составляющую.

Следуя по канве исторических событий и учитывая специфику отечественного опыта, можно в общих чертах реконструировать процесс властного целеполагания и целереализации в поле прессы. Здесь обращает на себя внимание определенная повторяемость действий, каждый раз — с новым качеством.

Выполненная цель Петра I — созданная им газета «для объявления Московского и окрестных государств людям» специально отобранных сведений в интересах пропаганды развернувшихся реформ. Полный результат — появление эмбрионального зерна будущей системы периодики. Такая зачаточная форма, по выражению Ю. А. Урманцева, есть «клеточка развития вообще; как таковая, она, как в зародыше, заключает в себе все основные закономерности и формы развития в целом»¹⁴. Многочисленные исследования «Ведомостей» действительно выявляют в них практически все компоненты системы печати, находящиеся на начальной стадии эволюции.

Выполненная цель Екатерины II гораздо объемнее. Это и «Всякая всячина», и сбывшаяся надежда на «племя *Всякия всячины*», и учреждение официальной цензуры. Масштабнее и полный результат, охватывающий собой без малого сотню возникших изданий. Они, пишет А. Н. Радищев, «представляют ... картину, в самом деле отмеченную общим духом нации и ее поступательным или попятным

движением в различных отраслях человеческих знаний»¹⁵. Не единичность, а множественность органов печати и их редакций означает, что в российском обществе начинает формироваться журналистика как род деятельности. Она имеет, соответственно, свои цели, не всегда и не во всем совпадающие с целями верховной власти. Это служит главной причиной институционализации государственного управления и надзора за прессой.

Составители первого цензурного устава, утвержденного Александром I, полагают его предназначение в том, что он служит «не для стеснения свободы мыслить и писать, а единственно для принятия пристойных мер против злоупотребления оной»¹⁶. На деле же принятием Устава завершается достройка системы периодики, и она приобретает структуру двусоставного социального целого: подсистема собственно изданий и управляющая подсистема.

Цель развития системы печати, как уже отмечалось, не является ни суммой отдельных целей создания газеты или журнала, ни суммой целей управления и контроля. Это внутренне противоречивая, полисубъектная и полипарадигмальная цель. Так, частные учредительские цели несут мощный заряд топологической и иной дифференциации, поскольку нахождение двух и более изданий в одной точке любого социального поля неизбежно сопряжено с жесткой конкуренцией и предсказуемым исходом борьбы в пользу одного издания. Системообразующие задачи заключаются, в том числе, в упорядочении дифференциации, подчинении ее правилам более высокого порядка.

С другой стороны, непрекращающаяся дифференциация российской прессы, начавшаяся в XVIII веке и продолжающаяся в XIX веке, никак не может быть окончательно поставлена в «рамки». Это влечет за собой такую же непрекращающуюся дифференциацию официально используемых приемов руководства и надзора. Конкретная цель государственной власти — печать, управляемая и по содержанию, по тональности соответствующая «видам правительства». Но результат есть функция средства, а не функция цели. Поэтому первостепенное значение имеют административные, цензурные, законодательные, «нравственные» и другие меры, образующие ядро государственной медиаполитики. В этом плане богаты событиями и примерами периоды царствования Николая I и особенно Александра II. Для достижения цели в отношении печати при Николае I принимаются новые цензурные уставы (1826, 1828), вводится режим «цензурного террора» (1848–1854), при Александре II проходит цензурная реформа (1859–1865), существенно дополняется законодательство о цензуре и печати. То есть целеустремленные усилия власти направлены на изменения в управляющей подсистеме с расчетом добиться желаемого состояния подсистемы периодики. В XIX веке заботы правительства сосредоточены преимущественно вокруг условий и правил функционирования и развития отечественной прессы в целом. Гораздо меньше внимания уделяется совершенствованию официальной печати, и она во многих отношениях проигрывает частным газетам и журналам.

Государственная цель в отношении печати закономерно является компонентом более широких целей. В. З. Коган объясняет это особенностями информационных

потребностей: они не существуют сами по себе, а сопровождают реализацию всех других социальных потребностей¹⁷. Названную цель нельзя считать исключительно информационно-познавательной в проекции на нужды и ожидания государства. У власти, помимо прессы, имеется достаточно источников и каналов для получения необходимых сведений. По своему характеру настоящая цель преимущественно коммуникативная. Мы имеем в виду понимание коммуникации, предлагаемое Д. П. Гаврой. Это эффективное синхронное и диахронное взаимодействие людей и их общностей, сущность которого составляет движение от одного субъекта (источника) к другому (получателю) имеющей для них смысл информации¹⁸. Обеспечение надлежащего информационного поведения субъектов, задание скорости и соответствующих векторов информационного движения, оценка, отбор и дозирование информационных смыслов — такими конкретными задачами наполняется государственная цель, охватывающая эволюционные процессы в периодике.

Вместе с тем нельзя полностью игнорировать собственно информационную грань властной целереализации в области развития системы. В годы радикальных социальных преобразований и государственный аппарат испытывает потребность в дополнительной информации, которую трудно, а то и невозможно получить по официальным каналам. Тогда государство стимулирует создание новых, расширяет коридор гласности для существующих печатных органов, что подтверждается примерами всех реформаторских периодов в России XVIII–XIX веков.

Издание, группа изданий одного направления всегда служат представителями каких-то интересов. От борьбы за увеличение своей доли полномочий в управлении периодикой не отказываются и негосударственные социальные субъекты — учредители газет и журналов, особенно капитал, общественно-политические группы и т. д. Их цели в сфере журналистики также включены в состав перспективных и крупномасштабных целей. В России XIX века эти силы стараются так или иначе повлиять на государственную медиаполитику, чтобы условия деятельности прессы способствовали, а не мешали решению их частных задач.

Наконец, сложившаяся система печати есть нечто большее, чем совокупность изданий, органов управления и надзора. Система, хотя и подчиняется внешним правилам, но имеет и относительно самостоятельную внутреннюю жизнь. Особенно важна здесь внутренняя жизнь журналистско-редакторского корпуса, в которой формируются профессионально-корпоративные цели, регламенты, обычаи, ценности. Если рассматривать отдельно его выполненную цель, то она представляет собой периодически выпускаемые издания, череду номеров газет и журналов. Реально же, в качестве полного результата, журналистика не только выдает информационный «продукт» как таковой, но и затрагивает, изменяет бесчисленное множество отношений в окружающем мире.

Производится само производство периодики, ее потребление, т. е. аудитория, и вместе с ним и потребности аудитории, а стало быть и новые цели. Одновременно не менее значительным эволюционным изменениям подвергается сама журналистика как часть системы, поскольку умножается профессиональный опыт, создается пестрая палитра мнений о социальной действительности и месте журна-

листики в ней, мыслей о прессе и отражаемых ею объектах. Понятия, с которыми журналистика выходит из акта деятельности, неизбежно отличаются от понятий, с которыми она входит в этот акт. Названные и другие изменения, большей частью заранее не предусматриваемые, образуют один из важных блоков механизма развития периодики.

Действительный полный результат целеполагания в отношении динамичной системы печати является необходимым продуктом деятельности всех социальных субъектов, вовлеченных в данный коммуникативно-информационный процесс. Здесь мы видим взаимодействие условий и средств реализации цели, материалов, инструментов, способов труда и методов контроля, управления этой специфической деятельностью. Полный результат включает в свое содержание все то, что вольно или невольно приведено в движение ради выполненной цели. Но, во-первых, ее в разных обликах видят и разные средства для решения задач используют по крайней мере три главных участника целереализации: государственная власть, хозяева-учредители и журналистско-редакторский корпус. Во-вторых, выполненная цель не совпадает с полным результатом и его дальнейшим бытием. В сложном поле взаимодополнений, компромиссов и конфликтов целей трех названных субъектов происходит развитие системы печати. Поэтому в своих важнейших характеристиках она многозначна.

¹ См.: Макушин Л. М. Топология отечественной прессы в полях социального пространства // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 32. С. 50–61; Он же. Социальный механизм развития системы печати. Методологический и исторический аспекты // Изв. Урал. гос. ун-та. 2005. № 37. С. 149–157.

² Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Гегель. Соч.: В 14 т. М., 1939. Т. 4. С. 205.

³ Герцен А. И. Соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 11. С. 300.

⁴ Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968. С. 129.

⁵ Лазутина Г. В. К вопросу о развитии средств производства и распространения социальной информации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 1979. № 1. С. 33.

⁶ Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». С. 72.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 498–499.

⁸ Леске М., Редлов Г., Штилер Г. Почему имеет смысл спорить о понятиях. М., 1987. С. 192.

⁹ Станько А. И. Становление теоретических знаний о периодической печати в России (XVIII в. – 60-е гг. XIX в.). Ростов н/Д, 1986. С. 48.

¹⁰ Монахов В. Н. Доступ граждан к официальной информации: проблемы правового регулирования // Право знать: история, теория, практика. 2000. № 5–6. С. 3.

¹¹ Аверьянов А. Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. М., 1985. С. 178.

¹² Цит. по: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 162.

¹³ Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 26–27.

¹⁴ Урманцев Ю. А. Эволюционика, или Общая теория развития систем природы, общества и мышления. Пушкино, 1998. С. 63.

¹⁵ Цит. по: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. С. 546.

¹⁶ Цит. по: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. С. 42.

¹⁷ См.: Коган В. З. Человек в потоке информации. Новосибирск, 1981. С. 54.

¹⁸ См.: Гавра Д. П. Основы теории коммуникации. СПб., 2005. Ч. 1. С. 54.